

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

СКОРАЯ ДЕСАНТНАЯ ПОМОЩЬ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Скорая десантная помощь

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Скорая десантная помощь / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Спецназ ВДВ)

Из города Светлореченска бесследно исчез гений конструкторской мысли Александр Борисов. Не так давно он сумел сделать открытие, с помощью которого можно создать узконаправленный луч, имеющий колоссальную разрушительную мощь. Пока в Министерстве обороны думали, что со всем этим делать, информация об изобретении просочилась за рубеж. Запад понял, что обзаведись Россия подобным оружием, и натовская ПРО в Европе гарантированно выливается в пустую трату денег. Агенты ЦРУ пытались уговорить изобретателя уехать в США. Но он не клюнул на их уговоры – и вскоре исчез без следа... Розыск пропавшего ученого поручают майору спецназа ВДВ Андрею Лаврову. Это и понятно – ведь знаменитый Батяня еще никогда не проваливал задание...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

Скорая десантная помощь

Пролог

...Этого странного типа не самой приглядной наружности Александр Трофимович заметил еще на трамвайной остановке. Изображая скуку и безразличие ко всему сущему, тот искоса следил за ним. Прочие, находящиеся даже совсем близко, этого совершенно не замечали, только не Борисов. Хотя он и не был кадровым спецслужбистом, прожитые годы, работа в «почтовом ящике», давнишняя срочная служба в секретном отделе штаба дивизии научили и внимательности, и осмотрительности.

Вполне искусно изображая такую же убийственную скуку, Александр Трофимович незаметно тоже рассматривал незнакомца. Еще не старый, но в глазах немного навывкате сквозит неподдельная усталость, свойственная скорее ровесникам Борисова. Хищно загибающийся книзу нос и темные вьющиеся волосы, которые ворошил сырой октябрьский ветер, почему-то наводили на мысль о том, что этот тип корнями откуда-то с Кавказа. Хотя... Нет, скорее всего, в нем проглядывало что-то ближневосточное.

Кто же этот фрукт и какого черта ему надо от ничем не примечательного рядового жителя Светлореченска? Если это грабитель, то, лишь мельком взглянув на куценькое, не первой новизны, демисезонное пальтишко Александра Трофимовича, мог бы сразу же отправляться на поиски более состоятельной жертвы – у обладателя такого «прикида» отнять можно было разве что льготный пенсионерский проездной. Тогда кто он? Просто случайный остолоп, шандалахнутый по мозгам неудачно упавшим с крыши кирпичом и вследствие этого возомнивший себя аналогом киношного Джеймса Бонда? Может быть... Не исключено, что у бедолаги шарики заехали за ролики и теперь он на досуге тешит себя слежкой за теми, кто ему показался достаточно интересным объектом. В какой-то мере, вероятно, именно так и есть. Но... При всей странности и неадекватности чужака, взгляд у него вполне осмысленный, совершенно не похожий на звериный взгляд законченного психа, и что-то непонятное в нем явно несет угрозу.

«Кстати, а почему бы не предположить, что меня взяли в разработку господ из каких-то секретных контор? Что-то уж очень я разблагодущничался и обо всех этих «джеймсах бондах» думаю, как о чем-то, меня совершенно не касающемся, – наблюдая за тем, как, громыхая и покачиваясь, приближается трамвай, мысленно констатировал Борисов. – Зря, наверное... А ведь они обо мне знают даже больше, чем я сам о себе. К тому же меня они уже сманивали, даже страшали... И почему не может быть такого, что в связи моим с нежеланием идти им на уступки они меня собираются элементарно прихлопнуть? Их хозяевам я потенциально опасен, и те это прекрасно знают. Если мое предложение Минобороны примет, вся военная мощь Запада обратится в пыль. Тут есть отчего занервничать...»

Решив на всякий случай оторваться от странного чужака, Александр Трофимович со скучающим, ничего не выражающим видом вошел в трамвай через открывшуюся прямо перед ним переднюю дверь. Незнакомец, искоса продолжавший наблюдать за ним, тоже поспешил зайти внутрь. Но едва он, войдя через среднюю дверь, оказался в салоне темно-красного угловатого вагона, Борисов, как бы что-то вспомнив, проворно выпрыгнул обратно. Чужак дернулся к уже закрывающейся двери, однако было поздно.

Не бросив в его сторону даже мимолетного взгляда, Александр Трофимович с озабоченным видом начал шарить по карманам, продолжая играть роль ничего не замечающего рассеянного простака, который то ли случайно вошел не в тот трамвай, то ли где-то потерял кошелек и теперь, что-то сердито ворча себе под нос, ищет его в карманах брюк и пальто. Краем

глаза он заметил, как к заднему окну вагона протолкался соглядатай, пытаюсь увидеть, куда он теперь направится. А Борисов, дождавшись, когда трамвай скроется за поворотом, поспешил к автобусной остановке.

Теперь он понял совершенно определенно: за ним кто-то активно шпионит. И шпионит не с «больной головы», а по чьему-то особому заказу. Значит, на него открылась весьма серьезная охота, скорее всего, в связи со сделанным им изобретением. Дела-а-а... И каков же может быть ее итог? Наверное, очень далекий от оптимизма. Как минимум светит кража документов из домашнего сейфа. Как максимум – пуля в затылок где-нибудь в безлюдном переулке. Или, может быть, – похищение и вывоз за границу в багажнике дипломатического автомобиля. Например, на границе между Ленинградской областью и Финляндией.

А что? Очень даже реальный вариант развития событий. Времена, когда дипломаты свято соблюдали законы, блюдя свое особое реноме, канули в прошлое. Сегодня большая часть западных (и не только западных) дипломатов довольно нередко использует методы «отморозков с большой дороги». Одни нагло, без тени смущения, шпионят по заказу и своих, и (что уж греха таить!) чужих спецслужб. Другие, не страдающие избытком нравственных догм, готовы даже взять на себя роль киллера, наркокурьера и даже киднеппера.

Разве нет? Детей-то уже начали без зазрения совести вывозить по частному заказу. Вон как сына той русской чудачки, которая вышла замуж за финна. Думала небось, что если там Европа, так и законы исполняются от буквы до буквы. Щас! У них тоже хватает и правового нигилизма, и «наплевизма».

Так что надо бы поостеречься. Но как? Ну, допустим, можно засесть в своей квартире и не выходить на улицу. Только долго ли так высидишь? Они ведь и домой могут заявиться под видом полиции, сантехников или еще кого-нибудь. Могут взять кого-то из семьи в заложники... А в полицию обращаться бесполезно. Расскажи он о своих подозрениях какому-нибудь прапорцу-пэпээснику, тот только погогочет да вызовет психиатров. Нет, надо созвониться с людьми более серьезными. А что, если... Вот именно, что, если созвониться с Геннадием, соседом по подъезду? Тот, говорят, работает в ФСБ, хотя этого не афиширует. Генка его, скорее всего, понять сможет.

Достав сотовый, Александр Трофимович без труда извлек из своей бездонной памяти нужный номер и, поманипулировав кнопками, через несколько мгновений услышал знакомый хриловатый тенорок:

– Алло, кто там?

– Здорово, Ген... Это твой сосед, Борисов, – лаконично представился он. – Есть одно серьезное дело. Надо встретиться. Я сейчас на автобусе доеду до торгового центра, увидимся там около ворот.

Сунув телефон в карман, он огляделся и зашагал через проулок на соседнюю улицу, чтобы оттуда на автобусе уехать в сторону торгового центра. За ним тут же, словно вынырнув из ниоткуда, метнулся какой-то патлатый тип в спортивной куртке и джинсах...

Глава 1

Андрей Лавров, майор спецназа ВДВ, командир учебной Средневолжской базы батальона специального назначения, сидел в купе поезда международного класса «Москва – Берлин» и молча смотрел в окно на пролетающие мимо иноземные пейзажи. Белоруссия осталась позади, и теперь поезд катил по территории Польши. И хотя здешняя природа ничем особенным от белорусской не отличалась, все равно имелось какое-то внутреннее ощущение того, что это совсем иной, какой-то чужой мир, со своими, не совсем понятными порядками и законами бытия.

Вообще-то, в Польше Лавров уже бывал. Знал нравы и обычаи ее обитателей, знал, с какими заморочками того или иного рода здесь можно столкнуться и как «разрулить» ту или иную ситуацию. Но все равно, как только он оказывался за пределами России, в нем словно срабатывало некое реле, включавшее особый режим жизнедеятельности всего его существа – физиологии тела, которое моментально становилось более энергичным, менее чувствительным к боли и каким-то иным негативам, физиологии мозга, начинавшего работать в экстремальном режиме. С этого момента, при внешней безмятежности и невозмутимости, Андрей на автопилоте скрупулезно отслеживал все происходящее вокруг, самым тщательным образом анализировал увиденное и услышанное, на основании чего тут же принимал конкретные решения.

Не была исключением и теперешняя поездка, которая оказалась далеко не простой. Точнее сказать, она заранее предполагалась как одна из самых непростых и трудных. Этот «тур» можно было сравнить разве что с былым вояжем в Сомали, где Лаврову предстояло в дикой воюющей стране найти без вести пропавших людей. И если на африканском континенте приходилось иметь дело с социальным и политическим хаосом, одинаково враждебным как к европейцам, так и к своим собственным аборигенам, то во внешне прилизанной, респектабельной Европе угроз было ничуть не меньше, если не больше. Особенно в отношении индивидуума, прибывшего с непонятными целями из «варварской» России.

Здесь Андрею, как и в Сомали, тоже предстояло разыскать человека. Тот тоже пропал, но только у себя дома, на территории России, подобно пресловутой иголке, нырнувшей в огромный стог сена. И найти пропавшего Лавров должен был во что бы то ни стало. Как явствовало из пояснений генерала Федина, начальника учебного центра, подчиненного ГРУ, бесследно исчез настоящий гений – крупнейший изобретатель, предложивший идею супероружия, способного в один миг изменить международную расстановку сил.

Свое задание Андрей получил буквально вчера. Он, как всегда, вел осеннюю подготовку молодого пополнения, съехавшегося в их часть со всех концов России. Исходя из требований, предъявляемых к бойцам этого спецподразделения, отбор в батальон был запредельно жестким. Из сотни человек кандидатов на базу отбирали не более двух-трех. А то и вовсе ни одного.

Но и эти, лучшие из лучших – и по физическим, и по нравственным, и по интеллектуальным характеристикам, должны были не менее двух лет напряженно учиться, чтобы наконец-то получить право зваться спецназовцами. А пока что это были всего лишь самонадеянные, горластые «чижики», еще не нюхавшие настоящего пороха, еще не познавшие всех тягот спецназовского житья-бытья. И Батыне-Лаврову предстояло терпеливо, настойчиво, постепенно вводить их в чрезвычайно напряженный, насыщенный учебой и физической подготовкой ритм жизни базы. Однако все намеченные им планы опрокинулись в один момент, когда запиликал сотовый.

О том, что это звонит генерал Федин, Андрей понял по мотивчику старой шуточной песенки «Строгий капрал», донесшемуся из кармана. «...Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом, лучше работы я вам, сеньоры, не назову...» – бойко выводил зуммер.

Но почему-то в этой жизнерадостной мелодии его ухо вдруг уловило какой-то беспокоящий момент, наподобие сигнала полковой трубы, подающей команду «подъем».

Его предчувствие оказалось верным – генерал и впрямь собирался поручить Лаврову очередное ДД – «дохлое дело», наподобие того что сказочный царь поручал своему Федоту-стрельцу, удалому молодцу: пойти туда, не знаю куда, чтобы найти то, не знаю что.

– Андрей, ты по дальним командировкам еще не соскучился? – с ноткой хитроватой подначки поинтересовался Федин. – Дело есть, понимаешь, от исхода которого, можно сказать, зависят судьбы всего мира. Нет-нет, я не преувеличиваю. Именно – всего мира. Ты ко мне сегодня приезжай, вместе обсудим. Жду!

Передав дела своим замам, Андрей ненадолго завернул к себе домой. Со вздохом сожаления окинув взглядом почти по-холостяцки пустующую квартиру – недели две назад Галине пришлось срочно ехать в Нижний, поскольку тяжело занемогла ее мать и за больной требовался постоянный уход, – он начал собираться в дорогу. То, что ему ехать придется куда-то очень далеко, Лавров знал заранее. Но отказываться от предполагаемого поручения он не собирался. Ведь армия – это не то место, где допустимы всякие «не хочу» и «не могу». Позвонив Галине и сообщив о своем отъезде, пока еще и самому неведомо куда, Андрей собрал дорожную сумку и вышел из дому. У крыльца его уже поджидала штабная машина.

Генерал Федин встретил его чуть ли не по-отечески доброжелательно и приветливо. Расспросив за чашкой чая о ходе работы с молодым составом и даже поинтересовавшись домашними делами, он, наконец, перешел к самому главному.

– Представь себя главой иностранной спецслужбы, – пройдясь по кабинету, неспешно заговорил Федин, – узнавшим, что в России есть некий изобретатель, создавший супероружие, против которого пока что нет никакой защиты. И, понятное дело, подобное оружие, появившись оно на свет, в момент превратит страну, обладающую им, в самую мощную в военном отношении, непобедимую державу. Твои действия?

Отставив чашку, Лавров после короткого раздумья пожал плечами и задумчиво прооронил:

– Ответ лежит на поверхности. Поскольку в связи с появлением супероружия возникают суперпроблемы, соответствующего рода должны быть и шаги. Самый оптимальный – любыми путями заполучить этого изобретателя. Похуже – раздобыть документацию при одновременном физическом его устранении. Если не удалось раздобыть ни создателя оружия, ни документов, остается самый дорогостоящий и нежелательный – купить чинов Минобороны из числа тех, кто ими располагает, чтобы получить дубликаты. Но тут легко нарваться на дезу. А получив пустышку, претензии едва ли кому предъявишь.

– Вот и наши, так сказать, оппоненты, скорее всего, рассуждали в подобном русле, – снова опустившись в кресло, резюмировал генерал. – Они задействовали первый из названных тобой вариантов, и, надо сказать, весьма успешно. На днях в Светлореченске бесследно исчез настоящий, без преувеличения, гений конструкторской мысли. Зовут его Борисов Александр Трофимович.

– А этот гений был под охраной или жил как слесарь соседнего ЖЭКа – обретался сам по себе, перебивался с копейки на копейку, ездил на трамвае и так далее? – едко прищурился Андрей.

– Вот именно, что – «или»... – тягостно вздохнув, буркнул Федин. – У нас про выдающихся людей вспоминают только или после их смерти, или тогда, когда их знания и опыт могут стать причиной больших проблем.

Вновь зайдя по кабинету, генерал вкратце рассказал об исчезнувшем конструкторе, который в 90-е годы работал в закрытом НИИ, специализировавшемся на разработках, предназначенных для ведения боевых действий в стратосфере и космическом пространстве.

– Теперь от этого НИИ не осталось и воспоминания, – саркастично повествовал Федин. – Людей разогнали, оборудование разворовали. Допускаю, что самые секретные образцы уже давно за границей. Даже здание ушло с молотка – теперь там какой-то швейный цех, где китайцы-нелегалы шьют наряды «от Версаче», да еще есть стоянка для дальнобойщиков на огороженной территории. Все! Был институт, и нет института. Говорят, когда наши с американцами шибко задружились в 90-е, то одним из первых пунктов нашего «взаимовыгодного сотрудничества» те поставили условие о закрытии этого НИИ.

– Ну, а наши, понятное дело, таким большим «друзьям» в этом отказать никак не смогли, – горько рассмеялся Лавров.

– Слава богу, не все тогда оказались конченными кретинами или заведомыми предателями и самую секретную документацию или спрятали в архивах, или уничтожили, – устало отметил генерал. – А то сегодня, возможно, спалось бы нам гораздо беспокойнее.

По его словам, Борисов, даже оставшись без своей законной, оплачиваемой работы, продолжал конструировать дома, что называется «на колене». И однажды он сумел создать нечто такое, что заставило содрогнуться многие западные правительства и их спецслужбы. Исследуя свойства особым образом ионизированного воздуха, изобретатель обнаружил, что определенные частоты сверхвысоких колебаний способны формировать нечто наподобие узконаправленного луча, имеющего колоссальную разрушительную мощь. Причем подобному «лучу», вернее, узконаправленному участку ионизированной атмосферы не были страшны, в отличие капризного лазерного луча, ни тучи пыли, ни дымовая завеса. Бессильны перед ним были и отражающие зеркальные поверхности.

Оформив чертежи, расчеты и описательную часть, Борисов направил документы в Минобороны. Пока в чиновничьих кабинетах «тугие на соображалку ревнители государственных интересов» пытались решить – сразу «дать отлуп» непрошеному таланту, мешающему большим людям думать о великом, или немного погодя, совершенно неведомым образом информация об изобретении просочилась за рубеж. Скорее всего, в оборонном ведомстве работает засланный казачок западных спецслужб, который и проинформировал своих хозяев о Борисове. Впрочем, вполне уверенно можно было предположить, что шпионила не покладая рук целая шайка предателей, поскольку помимо информации о самом Борисове за рубеж были переправлены некоторые конкретные фрагменты расчетов, сделанных им.

Эти-то расчеты и всполошили Запад, поскольку красноречивее всяких слов дали понять, что, обзаведись Россия подобным оружием, натовская ПРО в Европе гарантированно выливается в пустую трату денег. А это означало, что все надежды сохранить мировую гегемонию обращаются в пыль. Поэтому-то, скорее всего, там и решили принять меры особого характера – или похитить создателя плазменного луча, или уничтожить и его самого, и созданное им оружие.

– Знакомый из ФСБ сообщил, что у дома Борисова их сотрудники несколько раз замечали резидентов ЦРУ и «Моссада», – неспешно рассказывал Федин, и одни лишь желваки на скулах выдавали его настроение. – Скорее всего, пытались уговорить уехать в США, но он, как видно, на их уговоры не клюнул. И тогда – я в этом просто уверен – они его похитили.

– Ну и ну! – недоуменно покрутил головой Андрей. – Дела-а-а!.. А этот ваш знакомый не сказал, как они умудрились прошляпить похищение? Ведь эта голова стоит всего ядерного арсенала России! Надо же! Какую-нибудь ничего не значащую хреновину у нас охраняют – муха не пролетит, а к человеку, совершившему настоящий переворот в военной технике, даже завалященького охранника не приставили. Я уже не говорю о том, что он должен был быть полностью засекречен.

– Го-о-споди! О чем ты говоришь? – укоризненно посмотрел на Лаврова генерал. – С нашей дуровщиной, с нашим тупым высокомерием и массовой погоней за баблом – до изобретателя ли? Пусть даже и особо гениального. Ага! Будет кто-то из бездельников с нашего

«олимпиа» о нем беспокоиться! А что касается спецслужбистов, парни тут ни в чем не виноваты. Они и присматривать-то за домом Борисова начали чуть ли не в частном порядке. Около недели дежурили. И что бы ты думал? Когда где-то там наверху об этом узнали, поступила команда наблюдение снять – мол, нечего шпиономанию разводить. Ну, сняли. И вот результат.

– Башку за это кому-то надо оторвать! – тягостно вздохнув, проворчал Андрей. – Я и секунды не сомневаюсь, что это было не какое-то там дурошлепство и головотяпство, а прямая измена. В общем, теперь понятно, в чем суть этого спешного вызова: я должен найти Борисова?

– Да, – коротко кивнул Федин. – И чем скорее, тем лучше.

– Хм... Веселенькое дельце! – сердито рассмеялся Лавров. – Зона поиска – вся европейская часть России и прилегающие к ней территории, вплоть до западного побережья Англии. Да тут никакой жизни не хватит, чтобы отработать все возможные варианты.

– Ну, на то ты и наш штатный рейнджер, чтобы выполнять невыполнимые поручения, – развел руками генерал. – Кстати, это не только мое мнение. Тебя у нас очень многие считают эдаким суперменом. Ну, а репутация, согласишься, обязывает! А что касается зоны поиска, есть кое-какие зацепки, позволяющие ее существенно сузить.

– Например? – Андрей выжидающе посмотрел на Федина.

– Когда Борисов бесследно исчез, ребята из ФСБ, опять-таки на свой страх и риск, организовали засаду в его квартире. И, надо сказать, кое-кого там взяли с поличным. Какой-то тип, проходящий по полицейской картотеке как профессиональный вор-домушник, пытался взломать потайной сейф. Его тут же и сцапали. На допросе он признался, что его нанял некий иностранец, который отвалил за взлом сейфа пять тысяч баксов и пообещал, что заплатит вдвое больше, если вор сумеет добыть из сейфа хранящиеся там бумаги. Взяли и заказчика. Из того удалось вытряхнуть только то, что Борисова уже перебросили через финскую границу и теперь он находится, предположительно, на территории Польши.

– Негусто... – иронично резюмировал Лавров. – Польша тоже имеет территорию немаленькую. И мест, где могут содержать изобретателя, там предостаточно. Кстати, есть ли гарантии, что он оседет там надолго? Какой смысл тем же американцам держать его в Польше? Что, если он уже на пути в США?

– На наше счастье, в НАТО не все так гладко обстоит, как американцы силятся это показать, – хитро усмехнулся генерал. – Европейцы тоже ведь не в восторге от того, что их «большой брат» может получить необычайно мощное средство разрушения, что окончательно сведет их роль внутри альянса до полного нуля. Ведь если верить расчетам Борисова, даже небольшой сторожевой катер вполне будет в состоянии потопить любой авианосец. А если такой установкой оснастить самолет-невидимку? Представляешь? Такая концентрация военной мощи в одних руках кого угодно напугает, вплоть до самых близких союзников. Поэтому, пока идет внутринатовский торг, у нас есть шанс найти изобретателя и вернуть его домой.

– Кроме меня кто-то еще будет вести поиски? – Андрей испытующе посмотрел на Федина.

– Разумеется, – пожал тот плечами. – И ГРУ, и ФСБ, и СВР. Кто персонально из этих «контор» будет работать – мне неизвестно. Тебе, наверное, объяснять не надо, что у каждой «конторы» – свой куратор. Вот у нас – Минобороны. Тут ведь как получается? Все в точности по Козьме Пруткову: что имеем – не храним, потерявши – плачем. Когда Борисов обивал пороги тамошних кабинетов, его в упор никто и видеть не желал. А когда исчез, все вдруг опомнились. Дело-то из уголовного о похищении человека начало перерастать в политическое, с учетом того, какого именно человека похитили. Теперь все на ушах, все скажут и мечутся, все ищут виноватых. Ну, и чтобы выкрутиться без лишних потерь и избежать пинков из Кремля и Белого дома, министерские сидельцы в бой начали бросать все резервы, какие оказались под рукой. Вот и тебя решили задействовать как опытного спеца по операциям особого рода за рубежом.

– Когда ехать? – посмотрев на часы, невозмутимым тоном поинтересовался Лавров.

Генерал понял – внутренне тот на поездку уже настроился и готов отправиться немедленно. Ноль эмоций в голосе Андрея был безошибочным индикатором того, что мыслями он уже где-то там, в работе, где-то очень-очень далеко. Повертев в руках авторучку, Федин невольно усмехнулся:

– Как говорят в таких случаях – вчера...

– Широта моих возможностей, полномочий, максимальный срок поиска? – голос Лаврова звучал сдержанно и как будто даже приглушенно. Лишь искорки, временами поблескивавшие в его глазах, говорили об обратном.

– Широту полномочий и возможностей будешь определять сам исходя из обстоятельств, – ответил генерал. – Видишь ли... Штука тут такая, что тебе придется работать абсолютно автономно. То есть в данном случае ты – как бы исключительно частное лицо, представляющее лишь самого себя. А это хреново. Ведь если даже своих нелегалов наши «конторы» обменивают на задержанных ими западных и всяких иных агентов, то ты вообще ни в каких «святцах» не значишься. Поэтому в случае провала тебя как бы никто не будет знать. Ну-у, разумеется, кроме меня. Поэтому, по совести говоря, ты имеешь право отказаться от этого задания...

– Но вы-то твердо знаете, что я все равно не откажусь... – с чуть заметной ноткой иронии продолжил за него Андрей.

– Можно сказать и так... – угрюмо вздохнул Федин. – Если вещи называть своими именами, то тебе предлагается совершить подвиг, за который, если все пройдет успешно, награду получит кто-то другой. А если неудачно, то весь груз ответственности ляжет на тебя одного. Заранее согласен, что условия более чем скверные и, я бы даже сказал, подлые. Но... Что есть, то есть.

– Бывали хуже времена, но не было подлей... – негромко рассмеялся Лавров. – По-моему, кто-то из великих так сказал? Ну, с подлостью сталкиваться мне, как говорится, не впервой, этим меня никак не удивишь. Хорошо, я еду. В конце концов, свою работу я делаю не ради прекрасных физиомордий наших минобороновских чинов. Значит, сегодня я должен отправиться в Польшу?

Генерал в ответ лишь чуть заметно кивнул, сопроводив кивок тягостным вздохом. Сцепив пальцы рук, лежащих на столе, он пояснил:

– Едешь на поезде. По легенде, ты – бывший школьный учитель, который стал вольным путешественником, искателем приключений. Документы, деньги и билет тебе сейчас выдадут. Ну, удачи!

Глава 2

...И вот он уже в пути. Сев вчера поздним вечером в Москве – туда он добрался на самолете региональных авиалиний – на скорый поезд, идущий в ФРГ, уже следующим днем он катил по польским просторам. Прибытие в Варшаву ожидалось ближе к девяти вечера. Запомнился таможенный досмотр на белорусско-польской границе, который проводили придирчиво взвешивающие на гражданина России два польских таможенника, явно не испытывающих к нему особых симпатий. Ну, а то как же! Ведь всякому доброму поляку было хорошо известно, что это именно коварные, безжалостные русские совсем недавно погубили польского президента и уйму официальных лиц. Как было сказано в прессе – цвет польской нации. Заманив его на траурные мероприятия в Катынь, русские специально испортили погоду, да еще и их диспетчеры сознательно ввели в заблуждение экипаж авиалайнера, давая ему неправильную информацию. А еще и президентский самолет «Ту», скорее всего, ими же специально был отремонтирован так, чтобы разбиться в самый неподходящий момент.

«Курица – не птица, Польша – не заграница» – вспомнилась давнишняя шутка, которую Андрей впервые услышал от своего родственника, проходившего там срочную службу в составе ЗГВ. Доводясь отцу двоюродным братом, Михаил был старше своего племянника всего лет на десять.

После прибытия домой со службы в шикарно отделанной дембельской парадке, дядька Мишка заглянул в гости и к Лавровым, чтобы пригласить их семью на гулянку в честь своего возвращения из армии. Ну, батя не был бы самим собой, если бы не уговорил Михаила острограмиться. С восхищением разглядывая красиво подогнанную военную форму и блестящие значки на груди сержантского кителя, Андрей, которому тогда было лет одиннадцать, вслушивался в рассказы Михаила о службе, о самой Польше.

– Какой там у них, к черту, социализм? – смеялся тот, повествуя о том, как многие польские офицеры, придя домой со службы, тут же становились к прилавку скобяной или продуктовой лавочки, пристроенной к жилому дому. – Глянешь, и кажется иной раз, что там все только тем и занимаются, что торгуют, от мала до велика. Заходишь в магазин, там продавец, он же и хозяин. Просишь: пан, покажите мне вон ту рубашку. Он без слов – и покажет, и объяснит, чьего производства, а если денег мало, так и цену сбавит. А скажешь «товарищ» – и разговаривать с тобой не станет.

– О, как!.. – наполняя рюмки, отец удивленно покрутил головой.

– У них там американское-то кино показывают чаще, чем наше, – уже заметно захмелев, изобразил авторитетную мину Михаил. – Что там наши фильмы «до шестнадцати»?! Смех один. У них там такое кажут!.. – Оглянувшись на Андрея, он что-то прошептал на ухо своему собеседнику.

Выслушав Михаила, отец в ответ лишь крякнул и подозрительно покосился в сторону сына – не подслушивает ли?

– Так что, если бы не наши штыки, они бы давно уже переметнулись к американцам, – поднимаясь из-за стола, посетовал Михаил. – Да, думаю, дело к этому и идет. Так что, Андрюха, вырастешь, пойдешь служить – смотри, не урони нашей марки. Видел я этих всяких вояк – и «демократских», и натовских. Наша армия, хоть и хватает там дуровщины, все равно лучшая. Ну как, не уронишь?

– Не-а... – мотнул головой Андрей, в душе несказанно гордясь тем, что Михаил разговаривает с ним на равных. – Я выучусь и стану командиром! – неожиданно для самого себя выпалил он.

– А что? Давай, пробуй... – Михаил измерил племянника одобрителем взглядом и, улыбаясь, протянул руку. – Ну, держи пять! Будешь «обмывать» погоны – меня не забудь пригласить, – подмигнув, он рассмеялся и направился к выходу.

Как же давно это было! А кажется, словно вчера. Свое решение стать военным Андрей не изменил. Закончив школу, поступил в военное училище, и однажды, вернувшись домой с лейтенантскими погонами, пригласили на домашние посиделки в числе прочих и Михаила. Увидев вместо мосластого, немного нескладного подростка возмужавшего, крепкого офицера спецназа ВДВ, тот только и смог сказать, широко разведя руками:

– Я всегда знал, что из тебя толк будет!

Но ведал ли Андрей в ту пору, сколь непростой и нелегкой окажется его служба? Впрочем, даже если бы и знал, все равно выбрал бы именно эту судьбу...

Его размышления прервал стук в дверь. От белорусской границы Лавров в своем купе скучал один – его попутчик-белорус, который ехал из Москвы, где занимался совместным бизнесом с какой-то российской фирмой, сошел еще в Бресте. А других пассажиров в это купе по какому-то странному совпадению судьба не послала. И кто бы это тогда мог быть? Проводник? Возможно. А зачем? Чайку предложить?

– Войдите... – с нарочито барственной ленцой в голосе по-английски откликнулся Андрей.

Дверь отодвинулась, на пороге и в самом деле появился вежливо улыбающийся проводник в униформе. Лишь увидев его, Лавров мгновенно ощутил какую-то опасность, исходящую от этого типа с жиденькими рыжеватыми усами и голливудской улыбкой. Впрочем, в какой-то мере это было продиктовано уже тем, что визитер был совсем не тот проводник, которого Андрей видел все предшествующее время путешествия. Может быть, это напарник проводника?

Словно прочитав его мысли, тот, все так же широко улыбаясь, поспешил представиться на ломаном английском:

– Прошу уважаемого господина простить меня за беспокойство, я – помощник проводника. Ваши соседи из купе справа пожаловались на какие-то непонятные звуки, доносящиеся от вас.

– Странно... – Андрей все так же, с ленцой, смотрел на визитера вполглаза, хотя на самом деле зорко отслеживал каждое его движение. – У меня, как видите, полная тишина... – пожал он плечами.

– Вы позволите, я загляну в тот угол? – Помощник проводника как бы с некоторым даже жеманством указал в угол справа от Лаврова. – Возможно, там неправильно стоит заслонка вентиляционного канала. Именно это и вызывает такие звуковые эффекты.

«Интересно, это какой еще вентиляционный канал? – еще больше насторожился Андрей. – Что-то и в самом деле он гонит, этот фрукт...» Но внешне продолжил изображать из себя все того же валяжного остолопа, возомнившего себя английским лордом.

– Плииз, битте... – Лавров не спеша поднялся с дивана и шагнул к двери, чтобы освободить место и пропустить визитера к окну.

Изобразив некое изящное телодвижение, что можно было бы истолковать как «ах, простите, ах, простите!», тот двинулся ему навстречу. Когда они на какое-то мгновение оказались в тесноватом проходе между полками друг напротив друга, правая рука помощника проводника неуловимым для постороннего глаза движением и с проворством гремучей змеи, сделавшей выпад, метнулась снизу вверх. Из крепко стиснутого кулака незваного гостя выглядывала длинная игла наподобие инъекционной, которая, скорее всего, должна была вонзиться своей потенциальной жертве куда-то меж ребер. Но не вонзилась.

Абсолютно уверенный в том, что подобную атаку отразить невозможно, даже предвидя ее вероятность, визитер был чрезвычайно огорочен, в последний миг ощутив столкновение

своего запястья с чужим, выставленным для блокировки удара. А еще мгновение спустя он и вовсе оказался скрученным в пресловутый бараний рог, с натужным сопением уткнувшись в собственные коленки, тогда как его правая рука, взятая на излом чужими сильными руками, словно одеревенела от немыслимой, дикой боли.

– Что происходит? Was sie machen? Was ist das?!¹ – На мгновение опамятававшись, визитер попытался изобразить недоумение и даже возмущение происходящим.

Но это ему не помогло. Не пожелав отреагировать на эти вопросы хотя бы условным междометием, пассажир молча нажал своим пальцем на какую-то точку у основания его предплечья, отчего боль раскаленной лавой хлынула по телу, скрученному весьма замысловатым образом. Помощник проводника, если только таковым он был на самом деле, отчаянно взвыл, однако его тут же урезонило деловитое замечание на достаточно понятном немецком:

– Чего орешь? Людей, смотри, напугаешь.

– Чего вам от меня надо? – фальцетом выдавил визитер, с каждой секундой понимая все больше и больше, что влип он – хуже некуда.

Причем самое скверное тут было то, что попался он при попытке убить этого человека, и теперь, с любой точки зрения, тот имеет моральное право прикончить его самого.

– Чего надо? – усмехнулся пассажир, ни на йоту не ослабляя тисков своих рук. – Я хочу знать, кто ты такой и кто тебя нанял. Только не говори, что ты тут случайно и не представляешь, о чем вообще идет речь.

– Но я и в самом деле не понимаю, что здесь происходит! – видимо решив поупорствовать, сопя, пробурчал визитер, созерцая носки собственных ботинок, оказавшихся почти перед самым его лицом.

Как видно, не желая тратить время ни на угрозы, ни на уговоры, Лавров извлек из его безвольно разжавшейся руки автоматический шприц и поднес опасную вещь к побагровевшей шее с напряженно вздувшимися на ней венами. Предчувствуя страшную для себя развязку, помощник проводника издал испуганное, сдавленное мычание...

Андрей заподозрил наличие шприца, еще когда только, по просьбе визитера, поднялся с дивана. Он сразу же обратил внимание на его правую кисть, не совсем естественно согнутую в запястье. Это могло означать только одно – в рукаве что-то припрятано. Но, не выказав и тени своих подозрений, Лавров своим показным снобизмом специально спровоцировал киллера, чтобы тот попытался пустить в ход свое коварное оружие, заполненное ядом, а затем, в нужный момент, сам перешел в контратаку.

– Итак, господин некто, – продолжил Андрей, упирая острие иглы в четко обрисованный под кожей шеи тяж яремной вены, – дурака валять хватит. Я жду ответа: кто ты и кто тебя сюда послал? Предупреждаю сразу: врать не стоит. Поймаю на деталях – отведаешь собственной отравы. Это – в лучшем для тебя случае. В худшем – голыми руками выверну наизнанку. Ты пожалеешь, что вообще появился на свет. Ну!

Еще с полминуты поизображав из себя ничего не понимающего простака, тот внезапно обмяк и глухо спросил:

– А вы меня не убьете после того, как я дам интересующую вас информацию?

– Еще один вопрос, – нарочито свирепо прорычал Лавров, внутренне уловив, что тот сломался и теперь действительно готов говорить, – и тебя уже не спасет даже самое чистосердечное признание! Выкладывай, живо!

– Хорошо... – окончательно раскиснув, закивал визитер. – Только можно я сяду? А то сейчас стою в таком положении, что еще мгновение, и... Мне потом придется бежать в прачечную. Поверьте на слово!

¹ Что вы делаете? Что такое? (нем.)

Разжав руки, Андрей толкнул «помощника проводника» на диван и, нажав на стопор дверного замка, чтобы в купе не смог войти посторонний, измерил незадачливого киллера внимательным взглядом. Тот, конфузливо поеживаясь, попытался изобразить что-то вроде улыбки, но вместо этого на его лице отразилась жалкая гримаса досады, смешанной со страхом за свою жизнь.

– Простите... – пытаюсь хоть в какой-то, хоть в самой крохотной степени «сохранить лицо», смущенно проблеял киллер. – В вагоне-ресторане этого поезда готовят отвратительно. Да и мне самому второй день подряд что-то нездоровится. Поэтому...

– Меня не интересует качество блюд, съеденных тобой, и состояние твоего кишечника! – бесцеремонно оборвав эту тираду и присаживаясь на диван напротив него, сурово свел брови Лавров. – Мой вопрос не забыл? Черт знает что! Похоже, натовские спецслужбы совсем измельчали. Подсылают, блин, киллера, страдающего острой диареей и хроническим метеоризмом!

– Да, да, простите! – стискивая руки, зачастил тот. – Значит, в двух словах о себе. Я родом из Косова, зовут Куштим Таху, но последние лет пять постоянно проживаю в Польше. Основной род занятий – заказы на устранение... Гм-гм... Кому-то неугодных людей. Ну, сами понимаете, я всю свою молодость провел в бригаде Освободительной армии Косово Дапа Кучучи. А там чему научишься? Только стрелять и резать. Вот...

Как далее рассказал Куштим, полгода назад его арестовала польская полиция. Скорее всего, его могло ожидать пожизненное заключение. Он уже настроился на худшее, но однажды вечером в его камеру пришел какой-то человек, который назвался Энтони Брэгсом. Гость предложил киллеру работать на него в обмен на то, что его прежние «заказы» повесят на кого-то другого. Понимая, что деваться некуда, Куштим тут же дал согласие и подписал все нужные бумаги.

Через неделю он уже был в лагере спецподготовки, который находится где-то на территории Финляндии. А еще месяц спустя получил первое задание – «убрать» какого-то человека в Париже. И он «убрал», причем очень умело – все выглядело как несчастный случай. Начальству его работа понравилась. И с той поры он стал ежемесячно, а то и еженедельно, выезжать в какую-то из европейских стран, чтобы ликвидировать указанных ему людей.

– Кто эти люди, которых ты убивал? – строго уточнил Андрей.

– Точно не знаю... – Боязливо поеживаясь под его пристальным взглядом, киллер нервно дернул плечами. – Единственно, о ком смог узнать, – лидеры антиглобалистов. В Мадриде должно было состояться тайное заседание Бильдербергского клуба. Но антиглобалисты об этом как-то сумели пронюхать и начали готовиться к своим акциям. И тогда мне и еще двоим нашим людям поручили в течение месяца убрать троих предводителей бунтовщиков. Мы работу выполнили в срок – все трое погибли, каждый по-своему: один попал в автокатастрофу, другой умер от инфаркта, мой «случайно» утонул в море...

– Ясно... Дальше!

– О вас мне сказали вчера днем. Мой босс, его зовут Ральф Ликко, дал ваше фото и сказал, в каком купе вас можно будет найти. Способ того, как... гм-гм... выполнить его приказ, он оставил на мое усмотрение. Но предупредил, что вы – человек чрезвычайно опасный и, если я оплошаю, вы с меня тогда заживо снимете кожу. Сказал, что это ваш стиль воздаяния тем, кто покушается на вашу жизнь.

– Кто он такой, этот Ральф Ликко? – мысленно усмехнувшись, но с металлом в голосе поинтересовался Лавров.

Угодливо суча руками, киллер выдал, что его босс – американец, с итальянскими корнями. Происходит из гангстерской семьи Гамбино, однако является кадровым офицером ЦРУ. Наслышался он о Ликко еще в лагере подготовки, в сравнении с которым прежняя муштра в бригаде Дапа Кучучи была сущим курортом. Ральф Ликко там был частым гостем и уже

в ту пору присматривал себе подручных. Одним из наиболее подающих надежды оказался он, Кушим Таху. Раза два появился там и Энтони Брэгс. Скорее всего, птица тот очень важная. Перед Брэгсом начальник их лагеря, бывший майор французского Иностранного легиона Шарль Туре, только что не сыпал бисером.

Вообще-то, откровенничать в лагере строго возбранялось. Курсанты имели особые, служебные клички, по которым и обращались друг к другу. Но люди есть люди, даже если и человеческий облик ими уже утрачен начисто. Поэтому тамошние табу молчания периодически нарушались. Среди курсантов лагеря было около десятка чеченцев, некоторые из которых воевали еще под началом Аслана Масхадова. Были также кабардинцы, дагестанцы, ингуши и представители других кавказских народов.

– А откуда Ральф Ликко мог получить информацию обо мне? – задумчиво потер лоб Андрей.

– Насколько я смог понять, его о вас известили из Москвы, – неуверенно ответил киллер, внимательно наблюдая за каждым его движением.

«Значит, там и в самом деле работают «кроты»... Причем работают очень интенсивно, – подумал Лавров. – Надо будет сообщить Федину, что давать обо мне информацию в вышестоящие инстанции не стоит. Ну, что, разговор пора заканчивать?»

Словно прочитав его мысли, киллер испуганно сжался в комок, и в его глазах заплескался почти животный ужас. Судя по всему, настроивший его босс явно перестарался по части страшилок о «кровожадных русских».

– Вы обещали меня не убивать! – дрожащим голосом напомнил Кушим Таху.

– Вообще-то, я тебе ничего не обещал... – чуть поморщился Андрей. – Но, так уж и быть, в живых оставлю. Хотя такую тварь, как ты, уместно было бы или четвертовать, или сжечь заживо на медленном огне. Ладно, живи. Но вырубить тебя придется, – добавил он, сопроводив последние слова молниеносным движением руки.

Без единого вскрика киллер опрокинулся вниз лицом, и, если бы Лавров его не подхватил, он бы кувыркнулся на пол купе. Положив его на диван и укрыв простыней, Андрей некоторое время стоял в раздумье. Отсюда нужно было уходить как можно скорее, поскольку не исключалась вероятность того, что киллера подстраховывали «коллеги» из его же церэушной банды. Причем сам Кушим Таху мог быть об этом в полном неведении.

Исходя из этого, покидать вагон обычным, общепринятым путем на первом встречном полустанке было, скорее всего, слишком рискованно. В подобной ситуации лучший вариант – уход через окно в момент, когда поезд хотя бы немного замедлит ход где-нибудь на повороте.

Хорошо зная географию Польши – выезжая из Москвы, он тщательно проштудировал карту и справочники, – Лавров мысленно прикинул свой дальнейший маршрут. Не так давно позади остался Бала-Подляску – старинный польский город, расположившийся на берегах Кшны. Сейчас поезд приближался к Лукуву, обосновавшемуся на той же Кшне. А дальше будет Отвоцк, за которым конечная цель этого этапа его путешествия – Варшава.

«Как там было в марше красных кавалеристов? – глядя в окно, где дневные краски пейзажей начали меняться на вечерние, вспоминал Лавров. – «...Дашь Варшаву, дай Берлин, уж врезались мы в Крым!..» Вот-вот, Варшаву – дашь! Но пока что ее взятие придется временно отложить, в силу ряда непредвиденных обстоятельств... Черт бы их подрал!»

Прикинув, что во время пути на перегоне между Лукувом и Отвоцком, учитывая время года, уже должны начаться настоящие сумерки, он решил незаметно покинуть вагон где-нибудь вблизи шоссе Люблин – Варшава. А дальше... Вот оттуда-то автостопом он и доедет до Варшавы, где надо будет встретиться с агентом-нелегалом, проживающим в Польше еще со времен СССР.

Об этом человеке, уже в момент отбытия с Белорусского вокзала, Андрею по телефону сообщил генерал Федин. По словам генерала, «законсервированный» агент на связь не выхо-

дит. Но он еще жив – это показала недавняя контрольная проверка советской агентурной сети в бывших странах соцлагеря, проведенная сотрудниками ГРУ.

«Вот так она устроена, эта жизнь, – мысленно констатировал Андрей, глядя на красные черепичные крыши аккуратных домиков в окружении уже желтеющих садов промелькнувшего мимо него очередного полустанка. – КГБ шпионил за своим же военным и политическим союзником. Хотя что в этом может быть странного? Если «Моссад» шпионит за своим главным стратегическим союзником – США, то почему Союз не мог проделывать то же самое в отношении Польши, которая всегда была союзником отчасти условным? Все закономерно...»

Самое важное тут было то, что старик знал Польшу как свои пять пальцев, имел обширные связи и мог оказать существенную помощь в поиске секретных тюрем НАТО, где, скорее всего, в данный момент и находился похищенный спецслужбами Александр Борисов.

...Когда за окнами замелькали пригороды Лукува, окутанные осенними сумерками, Лавров начал готовиться к «десантированию» через окно вагона. Опасался он только одного – коллеги киллера, недвижимо лежащего сейчас в его купе, могут всполошиться и заподозрить, что тот раскрыт и выведен из строя. А это чревато. Хорошо подготовленные «отморозки», наверняка работающие под прикрытием местной полиции и спецслужб, примут все меры к тому, чтобы уничтожить его любой ценой, даже в присутствии свидетелей. Что им стесняться? Как говорится, своя рука – владыка. А закон, он и в Польше может оказаться в роли пресловутого дышла. Недаром же есть расхожая пошловатая острота: все как в Польше – тот и пан, у кого кое-что больше. Даже если посторонние что-то и увидят, местным лохам потом запросто могут объявить, что в результате следственно-разыскных мероприятий был выявлен и уничтожен опасный террорист, заброшенный в Польшу из России с целью проведения диверсий и терактов. И все этому поверят...

Уложив в сумку вещи, Андрей достал из ее тайника паспорт на имя Хмелина Николая Алексеевича. Свой теперешний, на имя Гаврилова Анатолия Петровича, положил на его место. Уже засвеченный паспорт следовало бы немедленно уничтожить, но Лавров с этим решил подождать – мало ли что еще может произойти? Вдруг пригодится? В конце концов, он же не какой-нибудь киношный шпион. Это в киношках образца 60-х годов прошлого века агенты разведслужб то и дело сжигают паспорта, съедают шифровки, а в случае неудачи прокусывают ворот рубахи с зашитой в него ампулой цианистого калия. А он – спецназовец, главное боевое достояние которого – ум, смекалка, интуиция, артистизм, владение оружием и физическая подготовка.

Сумерки сгущались все больше и больше. Андрей, не отрываясь, смотрел в окно, опасаясь пропустить момент пересечения с автотрассой. Неожиданно он скорее почувствовал всем своим существом, нежели увидел или услышал, что некто со стороны коридора пытается осторожно открыть дверь купе. Но это было заведомо безнадежным делом, поскольку замок, поставленный на фиксатор изнутри, снаружи поддавался только специальному ключу. Но, как говорится, чем черт не шутит, когда бог спит? А вдруг такой ключ у них имеется? Тогда надо срочно исчезать, невзирая на скорость движения поезда.

Лавров опустил раму окна и, бросив в окно сумку, тут же выбрался наружу сам, зависнув над стремительно бегущим под ногами, едва различимым в густых сумерках крутым косогором насыпи, покрытой мелким щебнем. Самым скверным в такой ситуации было вовремя не заметить какую-нибудь электрическую опору и, спрыгнув, с маху в нее влететь, чтобы потом с разбитым черепом скатиться под откос.

Шли мгновения, а подходящего места для прыжка присмотреть не удавалось. Наконец впереди, в свете далеких фонарей, Андрей смог различить пышно разросшийся куст. А со стороны двери до него донесся щелчок, который означал, что замок разблокирован и в купе сейчас войдут посторонние. Уже не раздумывая, он резко оттолкнулся от вагона и, сгруппи-

ровавшись, ощутил после неуловимо короткого полета в пустоте столкновение с пружинистой куртиной густо переплетенных меж собой ветвей, сопровождаемое громким хрустом.

Кубарем перекатившись через куст, Лавров ухитрился в последний момент сориентироваться в этом полете-падении и относительно удачно приземлиться на ноги. Когда он, сопя и отдуваясь, поднялся на насыпь, уже успевший пролететь мимо него поезд, торопливо стуча колесами, уносился в сгущающуюся тьму, прощально светя огоньками красных сигнальных фонарей. Утерев выступившие на лбу росинки пота, Андрей почти вприпрыжку помчался назад, чтобы, пока еще не стемнело окончательно, успеть найти свою сумку. Что ни говори, а остаться с пустыми руками в его положении было бы чрезвычайно скверно. По прикидкам Лаврова, за те восемь-десять секунд, пока он готовился к прыжку, поезд мог отмахать не менее двухсот-трехсот метров.

Пригнувшись, он бежал вдоль железнодорожной линии навстречу сырому ветерку, хрустя подошвами туфель по щебню. С неба, плотно затянутого тучами, очень некстати заморосил мелкий осенний дождь. Неожиданно сзади раздался нарастающий гул приближающегося поезда, а рельсы, идущие по другой стороне насыпи, начали издавать характерный перестук. Когда поезд, слепя прожектором, был от него уже в паре сотен метров и его могли заметить машинисты дизель-электровоза, Андрей неохотно затаился за толстенной железобетонной опорой. Но едва голова поезда промелькнула мимо, он снова побежал дальше – пассажиры едва ли могли хоть что-то заметить.

То место, где примерно могла упасть его сумка – Лавров запомнил это определенно, – было напротив разросшейся в паре десятков метров от железнодорожной насыпи группки молодых березок. Однако теперь в сгущающихся сумерках – поди, разгляди их... К тому же оказалось, что таких белоствольных компаний на всем протяжении пути более чем достаточно.

«Вот это ни хрена себе! – вглядываясь в темноту, мысленно отметил Андрей. – Эдак можно пробегать до утра и ничего не найти. Да еще, не дай бог, на сумку наткнутся какие-нибудь бродяги. Тогда уж точно – ищи-свищи...»

Как бы подтверждая его мысли, неожиданно откуда-то до слуха донеслись отзвуки мужских голосов. Двое неизвестных как будто бранились и о чем-то спорили.

«А не мою ли сумку делить надумали почтенные панове?» – сбегая вниз по склону насыпи, предположил Лавров. Стараясь не слишком громко топтать, он побежал в сторону спорщиков и, обогнув высокие густые заросли подроста березок и осин, внезапно увидел в паре километров от себя дугообразную цепочку огоньков, что, скорее всего, была фонарями, установленными на автомобильном виадуке, перекинутом через железную дорогу. Это была та самая, нужная ему трасса Люблин – Варшава.

В отблесках далеких огоньков он неожиданно различил два человеческих силуэта, которые, поминутно спотыкаясь и непрерывно бранясь по-польски, шли по дорожке меж лесистых зарослей. Прибавив ходу, Андрей менее чем за минуту догнал двоих, кое-как одетых и явно подпитых мужчин средних лет, которые – о, удача! – несли его дорожную сумку, он мог бы узнать ее из тысячи похожих.

Услышав сзади шаги, оба пана оглянулись и посторонились, намереваясь пропустить так некстати подвернувшегося им припозднившегося где-то торопыгу. Однако всего мгновение спустя, осознав, что этот странный тип, вынырнувший из темноты, как чертик из шкатулки с секретом, претендует на их находку, оба «сталкера» крайне возмутились. Пытаясь решить дело миром, Лавров, вежливо прижав руку к груди, с чувством поздоровался:

– Гутен абэнд! Гебен зи мир битте майне хэндташе! – попросил он, указав на сумку, не будучи уверенным в том, правильно ли произнес немецкие слова.

Паны-«сталкеры», сумрачно переглянувшись, что-то протестующее заорали по-польски, из чего он смог уловить, что «нехрен, в натуре, всякой немчурне приставать к уважаемым людям с глупыми домогательствами, ибо, что взято – то свято!» Более рослый из «сталкеров»

– крупный, мосластый тип, шагнув навстречу «немцу», замахал толстыми ручищами, сопровождая это настоящим:

– Ком! Ком, пся крёв!

Это означало, что миром вопрос решить не удастся. Ветерок, дунув Андрею в лицо, донес до него «аромат» давно не стиранной одежды и немытого человеческого тела. Скорее всего, это были бродяги, промышлявшие у железной дороги. «Черт! Бомжи – они и в Африке, и в Польше – бомжи!..» – про себя констатировал Лавров и, уже не церемонясь, шагнул ко второму, схватив свободную ручку сумки. Продолжая изображать из себя немца, он рванул ее на себя, с нарочитым возмущением выпалив:

– Гебен, гебен, доннер веттер! Гебен, фетфлюхтен думмельс!

Бродяга ростом поменьше, вцепившийся в сумку мертвой хваткой, удивленно охнул, ощутив неожиданно мощный рывок вроде бы не очень крупного немца. Второй что-то хрипло заорал и, выхватив из-за пазухи нечто продолговатое, блеснувшее в отсветах фонарей серебром полированного металла, ринулся на Андрея.

Немедленно выпустив сумку, тот уклонился от удара ножа, нацеленного ему в бок, и, нанеся нападающему короткий мощный удар ногой в сплетение, отчего тот, охнув, согнулся пополам, довершил начатое ударом ребра ладони по шее. Тут же, в долю секунды развернувшись ко второму, Лавров с удивлением увидел, что того и след простыл. Бродяге хватило всего одного мгновения, чтобы понять: надо срочно уносить ноги, иначе достанется и ему.

Подобрав сумку и вскинув ее ремни на плечо, Андрей зашагал в сторону только что замеченного им виадука.

Глава 3

У окруженного аккуратной, окультуренной зеленью придорожного кафе, названного просто и без затей – «Отwartу» («Открыто»), расположившегося у автотрассы недалеко от виадука, было довольнолюдно. Но, в отличие от иных российских заведений подобного типа, его антураж выглядел куда цивилизнее и благопристойнее. Паны и пани, проезжающие по трассе и имеющие надобность подкрепиться хотя бы чашкой кофе, даже будучи обладателями «Вольво» и «Лексусов», вели себя вполне скромно, не проявляя малиновопиджачных замашек. Тут никто не швырял мимо урны окурки и смятые пачки сигарет, тут не околачивались у входа золотозубые жгучие брюнеты с травматиком, припрятанным где-нибудь за поясом, тут никто из перебравших горячительного не начинал выяснять отношения с окружающими. И залогом тому был прохаживающийся недалеко полицейский, который зорко следил за обстановкой у кафе и на прилегающем участке трассы.

Андрей еще на дальних подступах к объекту польского общепита, когда в свете фонарей уже хоть что-то можно было разглядеть, достал из сумки дорожный костюм спортивного типа. Тот, что был на нем, он закинул в полиэтиленовый пакет и бросил в мусорный контейнер, стоявший недалеко от кафе, выбросил и обувь, надев кожаные кроссовки. Осмотрев себя в зеркальце, покрасил царапину на щеке тональным кремом. Скорее всего, поцарапался он во время своего кулбита на ходу поезда. С учетом обстоятельств ее можно было считать сущим пустяком. Причесавшись и водрузив на нос интеллигентского вида очки, Лавров зашагал к кафе.

Во-первых, хотелось элементарно перекусить. Во-вторых, в кафе гораздо легче можно было найти попутный транспорт. Если стоять у обочины в темное время суток, уехать авто-стопом гораздо более проблематично. Легенду своего появления здесь Андрей продумал в деталях. Любопытствующим он решил представляться отставшим от своего автобуса туристом-одиночкой.

Войдя в кафе, Лавров ощутил обилие ароматов готовых блюд, отчего в животе сразу как-то заныло. Здесь было шумно и весело, звучало что-то из польской эстрады. Оставив в гардеробе свою сумку, он подошел к стоявшему у входа метрдотелю. Припомнив кое-что схваченное памятью из русско-польского разговорника, безмятежно улыбаясь, он поздоровался:

– Витай, пан кельнер! Маш вольне табеле?

Окинув его внимательным взглядом и с ходу поняв по акценту, откуда прибыл клиент, тот ответил на ломаном русском:

– Добра вечер, пан! Свабодна столика нет, но если вы пожелать, то я найти вам свабодна места.

– Я не против. Благодарю вас! – кивнул Андрей, следуя за ним.

Подойдя к столику у окна, где одиноко ужинал седой, но весьма ухоженный пан лет шестидесяти, метрдотель почтительно склонился к нему и что-то спросил. Вскользь взглянув на Лаврова, тот молча утвердительно кивнул. Сев напротив него, Андрей поздоровался и, насколько это позволял словарный запас, поблагодарил за оказанную ему любезность. Но тот в ответ лишь так же молча мотнул головой. Подошедшей официантке на смеси польских и английских слов – та вполне свободно владела английским – Лавров сделал заказ.

Что-то отметив в блокнотике, девушка лукаво улыбнулась и, приглушив голос, спросила по-английски:

– А пан не желает заказать доброй «Старки»? Русские гости у нас всегда ее заказывают.

– «Старку» уважаю – вещь хорошая, если употреблять ее, находясь дома... – согласился Лавров. – Но я сейчас в дороге, а здесь лучший попутчик – чай или кофе.

Когда официантка удалилась, его визави неожиданно поинтересовался на довольно сносном английском:

– Пан – трезвенник? В России, наверное, это редкость...

– Не совсем трезвенник, – пожал плечами Андрей, – но меру знаю. А что касается России, то мы по части возлияний вовсе не чемпионы. Вот поляки от нас отстают, и очень здорово. Им еще работать и работать в этом направлении...

По достоинству оценив его шутку, поляк негромко рассмеялся. Отодвинув тарелку, он взял фужер с вином и, сделав глоток, снова спросил:

– Если не секрет, вы турист или у вас чисто деловая поездка?

– Скорее, турист. – Кивком поблагодарив официантку за принесенные блюда, Лавров изобразил ностальгическую улыбку. – Видите ли, один из моих прадедов – поляк, участник восстания Тадеуша Костюшко. Вот решил побывать на его родине, посмотреть на Польшу. Ну, а самый надежный способ это сделать – путешествовать автостопом. Правда, сюда я приехал на автобусе, но от него отстал – пошел погулять по окрестностям и немного заблудился. Хорошо хоть свои вещи догадался захватить...

Эту легенду он придумал прямо сейчас, по ходу разговора, почувствовав в своем соседе по столику кондового «государственника». И чутье его не обмануло.

– Да, в вас чувствуется присутствие польской крови, – согласился его собеседник, уже с явной симпатией глядя на незнакомца. – У вас открытое, аристократичное лицо. Ну, что ж, добро пожаловать на родину предков. Меня зовут Бронислав Зимовицкий, архитектор.

– Николай Хмелин, школьный учитель – география, физкультура, – привстав, уважительно представился Андрей.

– Скорее вас надо бы называть Никола Хмельницкий... – откинувшись на стуле, přátельски улыбнулся тот. – Позвольте именовать вас именно так. Не возражаете? Ну и отлично! Пан Хмельницкий, а куда вы сейчас держите путь?

– В Варшаву, пан Зимовицкий, – не спеша орудуя ножом и вилок, сообщил Лавров. – К сожалению, я сильно ограничен во времени – вся поездка занимает чуть больше недели. А за это время многое ли увидишь? Поэтому планирую в Варшаве пробыть один лишь завтрашний день, а потом отправлюсь дальше. Думаю проехать по маршруту Вроцлав – Щецин – Гданьск. А оттуда уже отправлюсь домой.

– Да, чтобы увидеть всю Польшу, тут и года будет мало, – многозначительно покачал головой Зимовицкий. – Тогда, если пан Хмельницкий не возражает, я мог бы помочь добраться до Варшавы. Я там живу. Как на это смотрите?

– Был бы очень признателен! – Андрей внутренне обрадовался тому, что вопрос с транспортом решился так быстро и просто. – Чем за это буду обязан пану Зимовицкому?

– Пустяки! – изобразил великодушный жест его новый знакомый. – Помочь потомку сподвижника Костюшко – в чем-то даже моя обязанность.

Покончив с ужином, Лавров расплатился с официанткой, презентовав ей доллар на порады (чаевые), и они с паном Зимовицким вышли из кафе. Указав на не первой новизны, но ухоженный «Форд», стоявший в тени у березовой аллейки, тот произнес:

– Прошу пана!

Они сели в машину, хозяин «Форда» запустил двигатель, и тут... Вылетев из темноты и бухая на всю округу сабвуфером, на паркинге лихо затормозил новенький «Порше», наглухо загородив «Форду» дорогу. На какой-то миг у Андрея возникло подозрение, что это все те же его преследователи, которые, каким-то невероятным образом пронюхав о том, что он завернул в кафе, настигли его здесь. Он напряженно вгляделся через зеркало заднего вида в людей, вышедших из салона авто, и ему тут же стало ясно, что это всего лишь какие-то «мажоры», ищущие приключений. Причем – это он понял сразу же – его, в определенном смысле, соотечественники. Один из прибывшей троицы был высоким, рыхловатым типом с опять начавшими

входить в моду белесыми женообразными патлами, двое других – нехилые брюнеты, по виду южане.

Пан Зимовицкий, выглянув из кабины, что-то сказал по-польски, и Лавров понял его слова как: «Ничего себе, новости! Что это за нахалы? Откуда они взялись?» Поскольку парни даже не обратили внимания на то, какие создали неудобства немалому числу людей и, громко гогоча, направились к кафе, хозяин «Форда», выйдя из машины, не очень громко, но достаточно внятно окликнул их вначале по-польски, а затем, догадавшись, что это не поляки, по-английски:

– Господа! Молодые люди! Будьте добры, соблаговолите убрать вашу машину – она закрывает мне выезд.

Андрей, чувствуя внутреннее раздражение из-за того, что фактически скован сейчас по рукам и ногам и поэтому не может выйти и разобраться с этими зажавшимися юнцами, сидел как на иголках.

«Черт бы их подрал, этих ушлепков безмозглых! Мне еще тут не хватало засветиться! Тогда уж точно провал гарантирован...»

Услышав голос пожилого мужчины, который чего-то от них требовал, трио «мажоров» остановилось и, быстро переговорив меж собой, с угрожающим видом направились к пану Зимовицкому. Тот огляделся по сторонам и, не заметив поблизости полицейского, растерянно попятился назад.

– Тебе чего, старый «пшичек»? – презрительно скривившись, спросил волосатый. – Шнобель набок своротить? Или глаз на жопу натянуть?

– Он сейчас для нас краковяк станцует под лезгинку! – гоготнул один из брюнетов.

– Точно! – обрадовался третий. – Эй ты, чмошник, плясать умеешь?

Пан Зимовицкий плохо понимал сказанное парнями, но уже успел уяснить главное – эти трое отмороzków, приехавшие из России, люди крайне аморальные, презирающие закон и порядок, они намереваются предпринять в отношении него – пожилого, уважаемого всеми человека – нечто гнусное и унижительное.

Когда Лавров увидел, что «мажоры» приближаются к его новому знакомому, он понял, что ситуация принимает скверный оборот и ему хочешь не хочешь вмешаться все-таки придется. Выйдя из машины, Андрей решительным шагом направился к ним и, заступив подонкам дорогу, вполголоса, но крайне жестко отчеканил по-русски:

– Валите отсюда, пока не поздно. Поняли? В вашем распоряжении – одна минута. Отсчет времени пошел!

– А сам ты не пошел бы на...? – презрительно скривившись, чванливо обронил волосатый.

Однако тут же, выпучив глаза и обхватив руками живот, издал мучительный стон, получив стремительный удар точно под реберную дугу, в один из нервных узлов, очень чувствительных к внешнему воздействию. Разразившиеся хохотом по поводу того, куда именно их приятель послал неизвестного, брюнеты разом смолкли и, играя натренированными мышцами, ринулись на чужака, посмеявшегося оказать им сопротивление. Но их атака захлебнулась, едва начавшись. Столь же неуловимым, как бы касательным движением тот одним лишь махом левой руки едва не переломил шейные позвонки нападавшему слева. Тот, что был справа, наткнувшись на твердый угол согнутого среднего пальца, выпирающего из кулака, почувствовал мгновенно охватившую его слабость, сопровождаемую крайне неприятной, тягучей болью в сердце.

– Минута заканчивается, – невозмутимо напомнил Лавров. – Если сейчас же отсюда не смоемся, вам не поможет и реанимация.

Кособоко согнувшись, охая и спотыкаясь, еще мгновение назад самоуверенные и наглые «мажоры» поспешили к своему авто. Уже успевший несколько прийти в себя волосатый

спешно запустил двигатель, и «Порше», виляя, помчался прочь, по пути едва не врезавшись в фонарный столб. Появившийся в этот момент полицейский некоторое время наблюдал за зигзагами, которые выписывал лимузин, после чего схватился за рацию и торопливо заговорил в микрофон.

Возмущенно бросив что-то по-польски, пан Зимовицкий направился к нему, но почему-то передумал и, махнув рукой и круто развернувшись, пошел к своей машине. Запустив двигатель, он включил заднюю передачу и, тяжело вздохнув, спросил:

– Скажите, пан Хмельницкий, откуда в России стало так много скверных людей, которые не боятся ни Бога, ни закона, ни людского осуждения? Раньше ведь туристы из Советского Союза были сама дисциплинированность. А теперь? Если эти юнцы ведут себя здесь подобным образом – нагло, вызывающе, хамски, то что же творится там, у вас?

– С некоторых пор в русском языке появилось новое слово – «беспредел», которое перешло в разговорную лексику из уголовного жаргона, – с долей сарказма заговорил Андрей. – Это поступок, который выходит за рамки не только официальных законов, не только обыденных понятий о совести и чести, но переступает даже рамки правил поведения, принятых в криминальной среде. Сегодня у нас беспредел стал явлением повсеместным. Он везде и во всем. На имеющих много денег у нас зачастую ни суда, ни управы, ни власти... Кстати, пан Зимовицкий, а можно ли сказать, что здесь, в Польше, перед законом абсолютно все равны?

– Хм... – Его собеседник, явно, намеревавшийся сказать уверенное «да», напряженно глядя перед собой на трассу, летящую навстречу автомобилю, отчего-то глубоко задумался.

Несмотря на вечернее время, на шоссе, ведущем к Варшаве, было очень оживленно. Причем львиная доля потока автомобилей, среди которых лишь изредка встречались образцы вазовского производства, направлялась именно к столице. Поймав его взгляд, пан Зимовицкий пояснил:

– Сегодня воскресенье, варшавяне возвращаются домой с уик-энда... Да, пан Хмельницкий, – неожиданно вернулся он к прежней теме разговора, – к сожалению, и у нас, пусть не слишком часто, но что-то похожее случается. Увы! У нас перед законом действительно все равны, все, но... Иногда в прессу просачивается информация о том, что некий крупный чиновник или бизнесмен, совершивший нечто очень нехорошее, сумел отвертеться от суда. Наверное, это общее свойство человека – творить несправедливость. При коммунистах справедливости не было. И сейчас, будем откровенны, ее не избыток...

В салоне вновь установилось молчание. Лишь хорошо отлаженный мотор издавал приглушенный ровный гул, разгоняя машину выше сотни километров в час. Посмотрев на спидометр, подсвеченный лампочками освещения приборной панели, Лавров спросил, кивнув в его сторону:

– А ваша дорожная полиция к скорости на трассе не слишком придирается?

– Придирается, – понимающе улыбнулся хозяин «Форда», включая радио, – но к нам не придерется. Мы не выходим за границы скоростного режима, допустимого на этой трассе. По этому автобану можно спокойно ехать до ста тридцати километров в час. А какие дороги у вас в России?

– В Москве более-менее, но эта трасса намного лучше. А на периферии можно встретить часто такие дороги, что их и дорогами называть как-то неудобно, – рассмеялся Андрей.

– И это – нефтяная держава... – вслушиваясь в скороговорку диктора радио, констатировал пан Зимовицкий. – Ого! Вот это новость... – неожиданно сказал он, почему-то покосившись в сторону своего попутчика.

– Что-то случилось? – спокойно поинтересовался Лавров, хотя внутренне весь напрягся.

– Да, только что передали полицейскую сводку... – озабоченно нахмурившись, кивнул Зимовицкий. – Полчаса назад на железнодорожной насыпи, километрах в двадцати от Отвоцка, нашли труп молодого мужчины без одежды и документов. О причинах смерти не

сообщается, но полицейские считают, что его могли выбросить из окна проходившего там поезда. М-да-а-а...

«Мы уже сидели в кафе, – мысленно отметил Андрей. – С момента, как я спрыгнул с поезда, и до того времени прошло не более сорока минут. Значит, если считать, что сообщники киллера вломились в купе почти сразу, они, скорее всего, учинили допрос, возможно, даже с пристрастием, после чего своротили ему шею и выбросили в окно. Эх, блин! Меня же видели местные бродяги! Теперь уже точно у полиции могут возникнуть подозрения и мысли насчет того, куда именно я мог податься. Черт! Но не убивать же их было, этих идиотов, в самом деле?!»

– О чем задумались, пан Хмельницкий? – скосил глаза в его сторону Зимовицкий.

– Думаю, что, если этот усопший окажется выходцем из России, наверное, в Польше это никого уже не удивит... – иронично усмехнулся Лавров.

– Нет-нет, он не из России. Прямо сейчас передают, что полиция его уже опознала. Это косовский албанец, последние несколько лет проживавший в Польше. Его основное занятие – убийство по заказу. Полиция подозревает, что этот человек собирался в поезде кого-то убить, но его предполагаемая жертва сама отправила негодяя на тот свет. Я думаю, он получил по заслугам. Кстати, пан Хмельницкий, прошу меня простить – я вас так и не поблагодарил за то, что вы меня выручили там, у кафе. Дзенки!

– Пустяки! – отмахнулся Андрей, чувствуя, как напряжение сразу начало спадать. – Эти трое, я так понял, «герои» только втроем на одного, годами значительно старше себя. А по сути, они – слабаки. Но, в любом случае очень рад, что мог быть вам полезен.

– Я смотрю, в вузе у вас хорошо преподавали боевые единоборства, – уважительно отметил Зимовицкий, приподняв правую руку с руля и сжимая кисть в кулак.

– Я еще со школы начал заниматься карате, а потом продолжил в институте... – пояснил Андрей, глядя на приближающиеся огни города.

Немного помолчав, хозяин «Форда» поинтересовался, где его попутчик планирует остановиться. Узнав, что тот собирается на сутки снять номер в какой-нибудь недорогой гостинице, он решительно объявил, что они едут к нему домой.

– ...Мой сын живет сейчас в Бранево, у него там бизнес с калининградцами, – с ностальгической ноткой в голосе сообщил пан Зимовицкий. – Его комната свободна. Нас с пани Еленой вы не стесните...

В этот момент зазвонил его телефон, и он, нажав на кнопку приема, заговорил со своим собеседником по-польски. Краем глаза Лавров заметил, как Зимовицкий внезапно изменился в лице. С одной стороны, на нем отразилась радость, а с другой – какой-то непонятный конфуз. Положив трубку, он некоторое время молчал, после чего потер лоб и, не отрывая взгляда от дороги, с некоторым смущением сообщил, перейдя на английский:

– Мне очень неудобно, пан Хмельницкий, но... Жена сообщила, что только что к нам приехал наш Фелек с невестой. Решил сделать сюрприз и поэтому заранее ничего не сообщил. Поверьте на слово, мне очень жаль, что все складывается именно так...

– Пан Зимовицкий! – искренне рассмеялся Андрей. – Я поздравляю вас с прибытием сына... Мне кажется, вас особенно обрадовало то, что он приехал именно со своей невестой? Наверное, вы давно об этом мечтали? Вот и замечательно, что ваша мечта наконец-то сбылась. Что касается меня, буду вам чрезвычайно признателен, если вы поможете мне найти недорогую гостиницу.

Они ехали по улицам Варшавы, и Лавров с интересом смотрел на архитектуру незнакомого города – несколько раз побывав в Польше, он до сей поры ни разу не был в ее столице. Промчавшись по одной из крупных улиц с современными постройками, машина свернула в Старый город. Больше всего Андрей запомнил Замковую площадь с колонной, как пояснил

пан Зимовицкий, воздвигнутой в честь какого-то по счету короля Сигизмуда, и улицу Святого Яна, со старинным собором в честь этого святого.

Наконец машина остановилась на старинной улочке с высокими старыми липами, у двухэтажного здания, которому, даже на первый взгляд, было около ста лет. Войдя в вестибюль гостиницы, название которой можно перевести как «У липы», новый знакомый Лаврова направился к стойке портье. На вопрос о наличии мест тот лишь сокрушенно развел руками. Но пан Зимовицкий отступать был явно не намерен. Он горячо, вполголоса, начал убеждать портье. Из всего сказанного Андрей уловил лишь слово «Костюшко».

Как видно, именно это слово и возымело свое волшебное действие. С уважением взглянув на Лаврова, портье полистал какие-то бумаги и, приветливо улыбнувшись, сообщил, что для столь замечательного гостя может изыскать кое-какую бронь, поскольку завсегдатай их гостиницы, заказавший номер, прибудет только завтра.

Прощаясь с Андреем, Зимовицкий настоятельно попросил, чтобы он завтра в любое время заехал к нему в гости на Маршалковскую. Пообещав выполнить его просьбу, Лавров уже точно знал, что на самом-то деле завтра ему будет не до визитов.

Вселившись в достаточно просторную и уютную комнату, обставленную старинной мебелью, Лавров первым делом искупался в душе, а затем набрал на телефоне, установленном на прикроватной тумбочке, номер, названный ему генералом Фединым. После второго или третьего гудка в трубке раздался тихий щелчок, и старческий, но еще вполне бодрый голос откликнулся:

– Так? (Да?)

– Пан Вальдусевич? – Андрей говорил по-русски. – Добрый вечер! Это Борис, племянник тети Ханны. Она просила передать вам привет и лекарство от боли в суставах. Где бы мы могли с вами увидеться?

– Завтра ровно в десять на набережной Вислы у Русалки. – И в трубке раздался короткий гудок.

Судя по суховатому оттенку голоса и полному отсутствию в нем даже намек на какие-либо радостные эмоции, старик был явно не в восторге от того, что о нем снова вспомнили российские спецслужбы. Вероятнее всего, он давно мечтал, чтобы его оставили в покое, но, как известно, бывших разведчиков не бывает, и хочешь не хочешь, а выполнять задание приходится, если, говоря высоким штилем, Родина призовет.

Положив трубку, Андрей с усмешкой покрутил головой. Как видно, сегодня у деда ночь выдастся бессонной. Впрочем, что-то и ему самому сейчас не спится. Включив телевизор, стоявший в углу напротив кровати, он лег на неразобранную постель и, щелкая пультом, скушаясь воззрился на экран. По ТВ шли какие-то новостные программы, транслировались всевозможные реалити- и ток-шоу, на иных каналах шли фильмы, в основном польского производства.

Понимая польский язык с пятого на десятое, Лавров особо долго ни на одном из каналов не задерживался, но, к его удивлению, один из них неожиданно оказался англоязычным. Неплохо владея разговорным английским, Андрей сразу же почувствовал себя увереннее. Теперь он хотя бы мог следить за ходом дискуссии, которую на телеэкране вели около десятка человек, сидящих за большим кольцеобразным столом, в окружении десятков зрителей. Около минуты понаблюдав за происходящим, он догадался, о чем идет речь.

Обсуждались итоги Второй мировой войны в плане того, какая из стран, гитлеровская Германия или Советский Союз, нанесла Польше больший урон. Позиционируя себя общественными деятелями общеевропейского формата, благообразные паны с профессорскими бородками и неопределенного возраста пани в строгих костюмах пуританских фасонов и расцветок изрекали нечто, претендующее на истину в последней инстанции.

Тон задавал крупнотелый, совершенно лысый господин (зато с роскошной бородой) в черном костюме несколько старомодного покроя. Бородач умело дирижировал ходом дискус-

сии, которую, собственно, дискуссией назвать было очень сложно, поскольку все ее участники выражали весьма схожие точки зрения, отличаясь друг от друга лишь степенью выражения неприязни к сторонам бывшего военного конфликта. И если одни считали, что Советский Союз и Германия несут равную ответственность за бывшую катастрофу мирового масштаба, то другие были твердо убеждены, что «коварные русские злодеи» нанесли бедной Польше куда больший ущерб своим многолетним владычеством, отбросив ее чуть ли не в каменный век.

– ...Лишь творческий гений польского народа, его невероятная жизнестойкость и феноменальное трудолюбие позволили Польше выстоять под нечеловеческим прессом коммунистического гнета и занять подобающее ей место в европейской семье народов! – запальчиво «двинул свою агитку» молодой усатый человек в стильном костюме «от кутюр».

Зал тут же всколыхнулся шумными аплодисментами. Камера крупным планом показала оживленное восхищение зрителей, по достоинству оценивших «патриотизм» дискуссанта. Впрочем, выступившая следом за «усачом» пожилая женщина, похожая на учительницу, попыталась подкорректировать слишком эпатажный пассаж своего визави.

– ...И все же будем справедливы, – в частности, отметила она, – хотя бы в том, что человеческие жертвы, понесенные от германской агрессии, неизмеримо выше тех или иных потерь, пережитых нами за годы тоталитарного режима. Кроме того, в те же годы Польша пережила бурный всплеск индустриального развития. В конце концов, первый поляк, полетевший в космос...

Но этой участнице дискуссии договорить не дали. Среди зрителей раздались негодующие возгласы, послышалось топанье ногами, с разных концов зала донесся хулиганский, залихватский свист. Замолчав, женщина встала из-за стола и, не поднимая головы, молча вышла из студии. Кое-как восстановив порядок, бородач лицемерно попенял горлопанам, но бросил камень и вслед ушедшей, добавив, что немецкое владычество в Польше длилось около шести лет, а вот советское – больше сорока, в связи с чем с мнением пани Гурианской согласиться никак нельзя.

Последним взял слово представитель Госдепа США. По всем пунктам согласившись с «усачом», он уведомил присутствующих и телезрителей в том, что «цивилизованный западный мир не даст в обиду одного из своих лучших представителей, который сейчас является форпостом западной демократии, сдерживающим тоталитарное варварство, стремящееся внести раскол в единый европейский дом и нанести непоправимый урон демократическому процессу в странах, вырвавшихся из-под советского ига». Кроме того, «госдеповец» добавил, что развертываемая система ПРО надежно защитит Польшу и прочие страны Запада не только от иранских, но и от любых других ракет. Ответом ему была бурная овация с возгласами «браво!» и «сэнк ю!».

Едва сдержавшись от того, чтобы не плюнуть в экран, Лавров выключил телевизор и, швырнув пульт на тумбочку, глубоко задумался, заложив руки за голову. Яснее ясного, что вся эта теледискуссия – не более чем пиар-акция в поддержку американской ПРО и каждое сказанное слово, каждая реакция зала отрепетированы под режиссурой опытных спецов из ЦРУ. Но все ли зрители это знают? Просто удивительно, что после такой нескончаемой промывки мозгов значительная масса поляков не ударилась в патологическую русофобию, граничащую с паранойей. Хотя... Наверняка и открыто ненавидящих русских тут предостаточно.

Взглянув на часы, Андрей обнаружил, что время приближается к двенадцати. «Все, довольно! Надо ложиться спать, а то завтра денек ожидается трудный...» – мысленно рассудил он и быстро разобрал постель. Ему пришлось несколько раз посчитать до ста, прежде чем он наконец-то провалился в беспокойный зыбкий сон.

Глава 4

Лавров двигался по набережной Вислы, наблюдая за бегущими по простору водной глади катерами и яхтами. То здесь, то там неспешно шли пассажирские и грузовые суда. Сыроватый осенний ветерок клонил начавшие желтеть деревья и бросал в лицо специфические запахи, присущие большому пресному водоему. Мелкие речные чайки с пронзительными криками кружились над волнами, время от времени кидаясь в воду за своей добычей.

Рассеянно глядя на подступающие к набережной жилые кварталы, на поросший лесом противоположный берег, на большой вантовый мост, широко расставивший на том берегу железобетонные ноги опор, Андрей со стороны смотрелся как обычный зевака, который с утра не знает, чем себя занять, и поэтому бредет, куда глаза глядят.

Когда впереди показалась статуя Русалки с занесенным мечом – символ Варшавы, Лавров еще больше замедлил шаги, как бы любуясь бронзовой обнаженной женщиной с рыбьим хвостом. Не очень высокий – ниже человеческого роста – постамент статуи окружал квадратный бассейн с фонтанами.

Утро, по сути, уже закончилось, и на набережной было довольно-таки людно. Прогуливались няни со своими питомцами – от грудничков в разноцветных колясках до бутузов постарше. На одной из лавочек о чем-то чинно спорили несколько престарелых панов. Группка юных пани, чему-то жизнерадостно смеясь, спешила в сторону моста...

Краем глаза охватывая всех, кто оказывался в поле зрения, Андрей никак не мог вычислить пока неведомого ему пана Вальдусевича. Он примерно представлял себе, как может выглядеть этот динозавр советской разведки. Скорее всего, считал Лавров, мужчине шел седьмой десяток, роста он был выше среднего, наверняка имел усы и, предположительно, для солидности, ходил с тростью...

Вместе с тем Андрей отслеживал и возможных соглядатаев из числа своих оппонентов из натовских спецслужб и «Моссада». Игра, в которую ему волею случая пришлось ввязаться, шла по самым жестким и безжалостным правилам, поэтому даже намек на какое-либо благодушничанье был бы совершенно недопустимым. Миновав скульптуру, он не спеша обошел ее со всех сторон, как бы любуясь совершенством форм женщины-рыбы. Впрочем, справедливости ради стоило бы отметить, что бронзовое изваяние действительно выглядело весьма впечатляюще, и Лавров, ничуть не покривив душой, мог бы сказать, что Русалка и впрямь ему очень понравилась.

Правда, было не совсем понятно, почему ее щит круглой формы, как у воинов Батия, некогда побывавших и на территории Польши, а меч больше напоминает катану японских самураев. Но, как видно, автору скульптуры было виднее, чем именно вооружить хранительницу столицы.

Еще раз вскользь окинув взглядом набережную, Андрей неожиданно заметил в полусотне метров от себя пожилого джентльмена, неспешно идущего по одной из дорожек, опираясь на изящную тросточку. Внешне мужчина походил на отставного военного, который после службы в армии много лет работал то ли бухгалтером, то ли гостиничным администратором.

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, Лавров, еще немного полюбовавшись Русалкой, направился обратно в сторону моста навстречу джентльмену. Девяносто девять против ста говорило за то, что это и был нужный ему пан Вальдусевич. Когда Андрей преодолел половину разделявшего их расстояния, в нем отчего-то вдруг словно сработала некая охранная сигнализация: тревога! Что-то в окружающей обстановке, неуловимое для обыденного восприятия и неспособное вызвать опасений, с точки зрения банальной логики, почему-то породило интуитивное ощущение некой смертельной угрозы. Но что именно?!

«Хвоста» за собой он не привел – это Лавров знал точнее точного. Даже хорошо замаскированных агентов среди отдыхающих на набережной не отмечалось. И все же... Отчего на душе так неуютно и тягостно? Что за сволочное такое, прямо-таки поминальное настроение?

Продолжая идти навстречу пану Вальдусевичу, Андрей испытал досаду от того, что по сценарию этой операции, как и иных других, он не имел права держать при себе оружие. А уж как бы оно сейчас могло пригодиться! Нет, что ни говори, а где-то рядом есть какая-то опасная тварь, с которой общение может быть только одного свойства – выхватил, навел, нажал на гашетку. И – точка!

В какой-то момент все так же вальяжно шагающий ему навстречу джентльмен тоже обратил на него свое внимание. По его едва приметной реакции, выразившейся в несколько оживленном взгляде, по тому, как на лице промелькнула едва-едва заметная ностальгическая улыбка, и даже по походке, ставшей несколько более замедленной, Лавров убедился окончательно – это он и есть, агент-нелегал КГБ, динозавр советской разведки. И тем не менее... Почему же его продолжает глотать непонятная тревога?

Еще раз тщательно взвесив все «за» и «против», Андрей решил сделать вид, что он – это не он, и пройти мимо, ни словом, ни взглядом, ни жестом не вступая в контакт с агентом. Проще будет проследить за паном Вальдусевичем издали и попытаться подойти к нему в другом месте. Если, разумеется, за тем не ведется тотального наблюдения как со стороны польской контрразведки, так и со стороны тех, кто пытался убрать Лаврова в поезде.

И хотя по мере приближения к важно вышагивающему старцу внутреннее напряжение Лаврова неуклонно возрастало, внешне это абсолютно никак не выражалось. В тот момент, когда Андрей и пан Вальдусевич были в паре шагов друг от друга, старик слегка скосил взгляд в его сторону, видимо ожидая, что его визави каким-то образом обозначит начало их встречи. Но, наткнувшись на безразличное выражение лица и отсутствующий взгляд, устремленный в пространство, он, и на миг не замедлив своего движения, столь же равнодушно проследовал дальше. Если бы Лавров в этот момент мог видеть его лицо, то обнаружил бы на нем оттенок досады и разочарования.

Подойдя к киоску, торгующему мороженым и газированной водой, Андрей купил вафельный стаканчик тающего во рту лакомства и, сделав вид, что его заинтересовала прикрепленная к боковой стенке киоска рекламная афиша предстоящих гастролей какого-то японского театра, краем глаза продолжал следить за удаляющимся паном Вальдусевичем. Решив выждать минуту-две, чтобы пойти следом за ним, он заметил, как к старику подошел какой-то молодой мужчина в добротном костюме, наподобие тех, какие имеют обыкновение носить клерки крупных компаний, и достал из кармана пачку сигарет.

«А это еще что еще за фрукт? – взглядывая в «клерка», мысленно отметил Андрей. – Может быть, парень действительно обычный прохожий, который и в самом деле всего лишь надумал попросить огоньку? Но в любом случае ситуация довольно странная...»

Однако все его сомнения мгновенно сдуло, как пожелтевшие листья осенним ветром, когда он увидел какого-то спортсмена в каскетке и шортах, жизнерадостно «рассекающего» по набережной на отличном гоночном велосипеде. Внешне велосипедист ничем вроде не отличался от сотен других, ему подобных любителей путешествовать на своем велобайке с рюкзаком за спиной. И тем не менее, что-то в нем очень и очень настораживало. Но что? Что?!!

Разгадка оказалась очень проста, как тот самый ларчик из басни, который открывался безо всяких заумных секретов и изощренных выкрутасов. Внезапно велосипедист резко свернул в сторону пана Вальдусевича, что-то на ходу доставая из-за пазухи. Наблюдая за происходящим, Лавров невольно почувствовал себя зрителем в некоем кинотеатре, где показывают триллер из жизни спецслужб. Он замер, ожидая закономерной кровавой развязки, поскольку сюжетом этого «фильма» благополучный финал предусмотрен не был. Во всяком случае, для некоторых его участников.

И развязка наступила. Пан Вальдусевич в последний момент заметил киллера и спешно отклонился назад, видимо намереваясь уйти от выстрела и, сделав кувырок, попытаться спрятаться за каким-нибудь укрытием. Но было поздно. Приостановившись, велосипедист вскинул руку, в которой был зажат пистолет с глушителем, и несколько раз нажал на спуск. Раздалось несколько хлопков, как будто на набережной один за другим лопнули детские воздушные шарик.

Старик, словно надломленный, запрокинулся навзничь и упал на аккуратно постриженный газон, окрашивая его в ярко-красный цвет. Выронив сигарету, которую он так и не успел прикурить – все произошло за какие-то две-три секунды, – рухнул и «клерк», распластавшись на асфальте. Бедолага, скорее всего, даже не понял, кто и за что его убивает. К этому моменту велосипедиста уже и след простыл. Выпустив не менее пяти пуль, киллер сноровисто сунул пистолет за пазуху и столь же стремительно, как и появился, исчез в неизвестном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.